

РЯДОМ

С МАСТЕРОМ

Татьяна
ЗЕМСКОВА

ТВОРИ СЕБЯ

ЗАПИСКИ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА

В одной из передач «Писатель и жизнь», которую ведет на телевидении критик и литературовед Феликс Кузнецов, шла речь о положительном герое современной литературы. Писатели, участники программы, делились соображениями, размышляли, спорили о том, каким же он должен быть — герой нашего времени. В конце дискуссии Ф. Кузнецов предложил посмотреть фрагмент из останкинской встречи с Виктором Петровичем Астафьевым.

И вот появились кадры останкинского вечера.

— «И все-таки Ваша книга «Царь-рыба» производит впечатление грустное, тревожное, — прочитал Астафьев одну из записок. — Кажется, что хорошим, добрым, честным людям жить на свете нелегко. Почему так?»

Астафьев снял очки, подошел к микрофону, улыбнулся и сказал убежденно:

— А когда хорошим, честным людям на свете было жить легко? Скажите мне! Хороший, честный человек не может жить легко. Он потому хороший и честный, что пойдет помогать тому, кому живется хуже, возьмет на себя чью-то беду, чей-то груз... Плохому живется легко, вот в чем беда-то...

Встреча с Виктором Астафьевым записывалась сравнительно давно, но все детали этой работы и сегодня помнятся отчетливо и подробно.

Астафьев приехал в Москву на Всесоюзное совещание молодых писателей. Я попросила разрешения попристутствовать на занятии семинара, который он вел. Хотелось понаблюдать за Астафьевым, посмотреть, как он держится, что говорит, и уж потом вести речь о телевизионном вечере.

В небольшой комнате издательства «Молодая гвардия» набилось человек двадцать слушателей. Астафьев держался с молодыми литераторами как будто на равных, даже внешне мало чем отличался от своих учеников.

Он похвалил рукопись одного из москвичей, но не стал разбирать ее сюжет, композицию, а заговорил вроде бы совсем о другом.

— Не знаю, — начал Виктор Петрович смущенно, — но я очень люблю прозу какого-то такого благородного тона. Может быть, поэтому меня привлекала в этих разных и по уровню, и по тематике вещах как раз попытка, пока не везде удавшаяся, говорить благородным тоном... Должен заметить, что вот такого мужичьего, сермяжного — в хорошем употреблении этого слова — в нашей прозе крепкого сделано

много. Но есть еще свойство литературы нашей, идущее издавна — от Бунина, Тургенева: взять какой-то, может быть, не великосветский, а хороший, чистый тон...

«У него самого очень хорошая интонация разговора, — подумалось мне. — Интересно, как он будет разговаривать с телезрителями?»

— Мне вот очень нравится, допустим, как разговаривают ученые, — продолжал между тем Астафьев. — Мне приходилось общаться с ними... Вот в Дубне, например, молодые ребята, лобастые такие, ученые, они говорят очень точно и чисто.

шла уже предметная, ясная проза.

Астафьев не похож на учителя, скорее — на старшего товарища.

— Сравнения такого порядка, — добродушно басит он, — как «облака легкие, как пушинки» и прочее, — ставить нельзя, это плохо, невкусно, первое попавшееся, это вычеркивать надо... Или такая фраза: «Сенокос всегда праздник...». Просто банальность, зачем это повторять? Литература наша русская — серьезная литература, и работать в ней тяжело... если не можешь найти слова, есть простой выход:

— ...Вы видели мою родину, вернее, ее кусочек. Это река Мана, впадающая в Енисей около моей родной деревни Овсянки. И вот сейчас, когда вместе с вами я смотрел, наверное, уже в сотый раз эти кадры, я подумал о том, что если человек родился в таком месте, он невольно хочет запеть, или заговорить, или написать об этом. И у меня, наверное, была какая-то внутренняя потребность рассказать об этой красоте, которая окружала с детства. У нас там, в фильме, — это показано дальше — цветут удивительные цветы, характеры людей сами по себе размашистые, красивые, образный, иногда грубоватый язык... И как не поделиться воспоминаниями, материалом той жизни, которая здесь происходила...

Вот так бесхитростно, немножко сбивчиво, не скрывая волнения, говорил Виктор Астафьев. Он завладел вниманием зала с первых минут, возник сразу тот необходимый контакт между писателем и зрителем, когда кажется, что нет никакой сцены и кресел внизу, а писатель на-

Виктор АСТАФЬЕВ.

Там вопросы решаются и работы ведутся архисложные, но мне так рассказывали, что я все понимал, причем рассказывали очень коротко. Словарь у них довольно широкий и простой, без всяких техницизмов. Конечно, они употребляют специальные термины, но тут же поясняют и говорят очень коротко. Я должен сказать, что мы, писатели, в большинстве своем косноязычны по сравнению с ними, и это идет от нашей необразованности, я так понимаю, или от смущения какого-то...

Слушатели внимали Астафьеву удивленно — так неожиданно было, что он, писатель, причисленный к «деревенщикам», вдруг заговорил об ученых, о благородном тоне в литературе. Даже говоря о явных неудачах того или иного литератора, он не менял тона разговора — доброжелательного, уважительного, чуть насмешливого, а скорее всего, добродушного.

— Бумза — она очень белая, и на ней все видно, — обращается он к одному из прозаиков — застенчивому, нескладному здоровяку, приехавшему, очевидно, из Сибири.

— Очень много вычурности в твоей вещи, — продолжает Астафьев. — Ну вот, например, в первом абзаце: «А река неимоверно вздувается от осенних дождей». Где ты такое слово взял — «неимоверно», зачем сюда поставил? И рядом: «Река тащила на своей груди прору». Только графоманы могут написать такое. Это безвкусно, это за пределами культуры литературной... И тут же рядом: «Тертого, битого, ломкого льда...» — по-

ищешь-ищешь слово, одно хуже другого, тогда вообще не ставь никакого...

Зазвенел зеонек, «семинаристы» окружили Астафьева, продолжая разговор. «Как просто он держится, — подумалось мне, — как естественно, как много в нем доброты...»

Но это здесь, в стенах издательства, среди своих, литераторов. Каким он будет в нашей телестудии?

Астафьев отбил от «семинаристов», мы отошли в сторонку, чтобы поговорить о делах телевизионных.

— Эти ваши встречи с писателями, по-моему, дело хорошее и нужное, — сказал Астафьев. — Я сейчас уезжаю в Вологду, а вы пришлите мне примерный план вечера и возможные вопросы. Да, может быть, стоит показать кусочек из фильма «Сюда не залетали чайки» по повести «Перевал». Это будет кстати, — советовал Астафьев. — Зрители сразу увидят край, где я родился, немножко почувствуют Сибирь, стало быть, поймут и меня... Там песня хорошая, импровизация на тему «Дубинушки». Подумайте.

Мы так и сделали, а через два месяца Астафьев снова приехал в Москву на встречу в Останкинской студии.

День был жаркий, но народу пришло много: недавно были опубликованы «Царь-рыба» и очерковые главы «Последнего поколения».

В начале вечера был показан фрагмент из фильма по повести «Перевал», и на сцену вышел Астафьев — с виду человек простой и обычный, может быть, даже слишком обычный... И костюм на нем был без претензий, и очки — в простой оправе, и руки поначалу не знал, куда девать... Вышел и начал рассказывать о себе.

ходитесь здесь, рядом с тобой.

Позже, раздумывая о том, почему так произошло, откуда возник этот мгновенный контакт, я вспомнила, как говорил Астафьев о работе над своей прозой.

— ...Самым важным в процессе работы над произведением я считаю то, что Бунин определял звуком, тональностью вещи...

Астафьев сразу взял верную тональность. Он не заигрывал, не кокетничал со зрителями, не возвышался над ними, он не брал на себя роль учителя, наставника, он был естествен и искренен. Даже о труде писателя он говорил столь жестко и обыденно, что мог бы разочаровать многих.

«Писательство для меня — работа, посредством которой я зарабатываю хлеб для себя и для семьи. Это прежде всего, другой профессии у меня нет...» Каждый из слушателей мог подумать: он такой же, как я, такой же, как все мы... В сущности, он сделал себя сам. У него трудная биография: был детдомовцем, учился в ФЗО, работал составителем поездов, воевал, был дважды ранен... А стало быть, он думает так же, как все мы, и спросить его можно обо всем, и можно с ним поспорить. И спрашивали, и спорили.

Кто-то из присутствующих прислал такую записку:

«В Ваших произведениях поражает и убеждает правда, правда во всем: в манере повествования, в описываемых характерах и событиях, в языке. Кажется совсем нет в них вымысла. Как Вы этого достигаете?»

— ...Ну, это высочайшая похвала, которую я когда-либо слышал, — ответил Астафьев. — Я считаю, чем меньше в литературе ощущается самый литературы,